

9(c)12
п-18

Пархоменко вл.А.

У истоков русской
государственности

(viii - xi в.в.)

С.И. Григорова

90
л

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Проф. Вл. А. ПАРХОМЕНКО

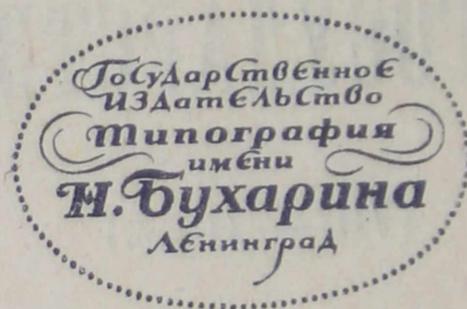
У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

(VIII — XI в.в.)

Российский Институт
историко-этнографического
и природного наследия
Библиотека

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

Настоящая работа стоит в связи с напечатанной нами в 1913 г. в г. Полтаве книгой — «Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX — X в.в.» — и со статьями, печатавшимися в «Известиях Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук» с 1913 г. По сравнению с теми работами, эта — дальнейший этап по изучению древнейшей жизни Восточного Славянства и проникновению в нее. Как видит читатель, дальнейший шаг на этом пути сопровождается изменением некоторых суждений по затронутому вопросу. Но это отнюдь не знаменует собою отказа от принятого направления: идя по тому же пути и вглядываясь в далекую глубь веков, замечаешь порою, что некоторые силуэты имеют несколько иные очертания по сравнению с казавшимися прежде. По-прежнему автором руководило стремление пояснее представить себе темный лик далекого прошлого, столь важного для уяснения всей дальнейшей истории Восточной Европы. Тут попрежнему приходилось иметь столкновение с гипотезой норманизма. Как ни стара эта гипотеза, — хотя бы она вела свое происхождение от XI в., — как ни поддерживается она наукой, — все же она только гипотеза, которую все еще нужно доказывать и подтверждать и которую, конечно, ни в коем случае не нужно полагать в основу всего изучения древней жизни Восточного Славянства. Некоторого влияния норманизма на жизнь древней Руси никто не станет отрицать, но нельзя уменьшать значения других действовавших тогда исторических факторов: не следует для объяснения неясных и необследованных фактов и явлений древнерусской жизни прибегать непременно к помощи норманизма, в нем видеть альфу и омегу государственности древней Руси. Данная работа представляет собой попытку рассмотреть вопрос о начале государственности у Восточных Славян с сосредоточением внимания на факторах, действовавших на образование нашей государственности раньше норманизма и помимо него. Таким образом, думается, старый спор норманистов и антинорманистов есть возможность перенести в иную плоскость и тем ослабить его напряженность. Настоящее время, правда, еще не может быть названо особенно благоприятным для создания вполне ясной и определенной картины жизни Восточной Европы в эпоху VIII — XI в.в., но научной литера-

туре последнего времени, благодаря изысканиям в различных отраслях научного знания, принадлежит честь значительного приближения к тому. В этом отношении прежде всего надлежит помянуть научные заслуги незабвенного академика А. А. Шахматова, ученые изыскания коего являются необходимым условием для появления работ, подобных данной.

I.

«Откуда́ есть пошла Русская земля»? Этот вопрос древнерусского книжника донныне не утратил своей жгучести и пререкаемости в ответах на него. В самом деле,—с чего начинать русскую историю, или, выражаясь точнее, историю Восточного Славянства, какой мы можем найти в ней первичный несомненно исторический факт?—Теперь решительно невозможно уже, как это принято было обычно раньше, начинать ее с 862 года и призвания князей Варяго-Руссов. Во-первых, из ряда письменных источников известно, что имя Руси и на территории, именно Восточной Европы существовало раньше 862 года ¹⁾; во-вторых, летописная хронология IX—первой половины X в. совершенно недостоверна ²⁾; в-третьих, событие из жизни Новгорода и ближайших к нему славяно-финских племен северо-западного угла территории Восточной Европы есть, конечно, лишь факт местной, а не общерусской жизни,—и тогда уже протянувшейся далеко на юг—до Черного и Азовского морей и гор Западного Предкавказья,—и, как таковой, не мог иметь существенного, решающего значения для истории всего Восточного Славянства, в лице Кия и других племенных князей знакомого уже с княжеской властью ранее Рюрика,—в лучшем случае это второстепенный факт русской истории: в-четвертых, рассказ о призвании варяго-русских князей не находит себе, помимо нашей летописи, нигде исторического подтверждения, в летопись занесен спустя приблизительно 200—250 лет после того момента, к какому приурочивается самый факт, и носит на себе все черты предания неясного, легендарного, даже тенденциозного, при том спаявшего воедино несколько различных местных преданий ³⁾. На последнем вопросе необходимо несколько остановиться. Вообще, по наблюдениям А. А. Шахматова, наши летописи «пристрастно

¹⁾ Факты приводятся ниже во второй главе.

²⁾ См. главным образом в исследованиях Шахматова—в статьях «ЖМНП» 1897 г. и в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» Спб., 1908 г. и др.

³⁾ В упом. «Разысканиях»... Шахматова, стр. 291—292, 312—314 и др.

освещали современные события: рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями, — оценку религиозного мыслителя, чающего водворения царства божия в земельной юдоли, — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы»¹). При выясненной (трудами А. А. Шахматова и др. ученых) склонности наших летописных сводчиков к тенденциозному, под определенным углом зрения, освещению событий и явлений русской исторической жизни и явно заметном в летописях отражении духа времени, станет понятным, что в конце XI — в начале XII в.в., в пору развития на Руси византийских идей и вместе с тем постоянных княжеских междоусобий среди членов Киевской династии и расчлененности Восточного Славянства на обособляющиеся части, монахи-летописцы, проникнутые вновь воспринятыми византийскими церковно-монархическими идеями и мыслью о Русской земле, как едином целом, при свете читавшейся ими переводной литературы, среди народных преданий и возможных записей настойчиво разыскивали и приспособляли к летописной передаче такие именно, кои удобнее могли бы быть прилажены к идее единого русского государства, объединяемого единой княжеской династией²). Для киевлянина в данном случае удобнее было оперировать с данными предания чужого — новгородского, которое к тому же нужно было так или иначе приспособить к преданиям местным — южным, спаять более или менее в органическое целое. Возможно ли объединение совершенно обособленных преданий Севера и Юга через посредство Новгорода и его соседей — Балтийских Норманов? Эта проблема нужна при решении вопроса о начале русского государства. По этому направлению шла мысль любознательного Киевского книжника XI — XII (нач.) века еще и потому, что киевлянам в XI в. приходилось наблюдать происходившее в это время настойчивое, полузавоевательное, во всяком случае военное и покровительствуемое киевской княжеской династией (породнившейся со скандинавскими и нередко на Норманов опиравшейся) движение скандинавских Норманов от Балтийского моря через Новгород к Днепру и Киеву и далее на юг по варяго-греческому пути. Так как их значение в эту эпоху — в военно-торговой и социальной жизни Киева, то он от современности, по аналогии, легко и просто делал заключение к темному прошлому. Таким образом старые неясные предания получали

¹) «Повесть временных лет» Шахматова, Птгр., 1916 г., стр. XVI и вообще XV — XVIII.

²) См. «Разыскания о древн. русских летописных сводах», стр. 293, 316 и др.

окраску более поздних фактов¹⁾. В данном случае сказались также влияние столь любимой нашими летописцами греческой хроники Георгия Амартола и его продолжателя, у которого наш летописец прочел такую догадку о Русах: «Οἱ Ῥῶς, ... οἱ ἐκ τοῦ γεινοῦς Φράγγων καθίστανται». Эта догадка продолжателя Амартола (в тогдашней литературе далеко не единственная) и дала определенное направление ходу мыслей летописца, находившегося под влиянием идеи единой Руси и допытывавшегося, откуда произошла киевская династия и в связи с нею Киевско-русское государство. На фабулу рассказа оказал также свое влияние — благодаря тогдашним международным связям проникший в Киев с Запада — легендарный мотив призвания трех братьев на княжение²⁾. Затем, изучение древне-русской письменности и наблюдение отчасти над самими летописями склоняют к убеждению, что в XI в. в Киевской Руси не знали о Рюрике, его призвании на княжение и какой-либо связи его с тогдашней киевской династией³⁾; между тем позднейшие летописные своды распространяются о нем со значительными подробностями явно вымышленного характера⁴⁾. Наконец, самое имя Новгорода, как нового города, и история его постепенного возвышения в XI—XII в.в., отсутствие о нем данных до 970 года, самая комбинация призывающих князей славяно-финских племен и т. п. заставляет усумниться в возможности начала русской государственности на столь далеком от культурных центров севере. Таким образом, есть ряд оснований отнестись совершенно скептически к летописному повествованию о призвании на княжение Рюрика, в смысле принятия такового за сообщение о начале русского государства в 862 г., и поставить этот северный легендарный эпизод⁵⁾ рядом по историческому значению с южным летописным преданием о Кие, явная легендарность и историческая неизначальность коего обычно признается.

1) Срвн. «Разыскания», стр. 480—481, 489 и др.

2) Сопоставьте данные из 3-го вып. «Датско-русских исследований» К. Ф. Тиандера, Птгр. 1915 г., и статьи П. М. Бицилли — «Западное влияние на Руси и начальная летопись», отт., Одесса, 1914 г., сравни «Нестор» Шлецера по переводу 1809 г., Спб., стр. 272, 338, 349—356 и др.

3) Главным образом, показание М. Илариона и Якова Мниха, — срвн. данные соображения в ст. М. П. Ламбина — «Источник летописного сказания о происхождении Руси», «ЖМНПР» 1874 г., июль, стр. 83—89, также «Разыскания» Шахматова, стр. 313—314, 316—317 и др.

4) См. также иссл. Шахматова — «Сказание о призвании варягов», Спб., 1904 г., ст. П. В. Голубовского — «Универс. Изв.» 1907 г. № 8, «Критико-библиограф. обзор трудов по древ. пер. русск. ист.», стр. 48—58.

5) О возможной хронологии его см. ниже.

II.

В таком случае выступает пред нами ряд иностранных свидетельств, дающих сведения о Руси до 862 г.: сообщения Сурожской и Амастридской житийных легенд о набегах Руси на местности по черноморским берегам—эпохи, как многие полагают, IX в. и даже первой его половины¹⁾, — затем совершенно определенные и несомненные греческие показания о походе Руси на Царьград в 860 г.²⁾ и, наконец, свидетельство Бертинских анналов о посольстве Руси в Ингельгейме у франкского короля Людовика Благочестивого в 839 г. Однако, и к этим весьма ценным данным надо подходить осторожно: показания первых двух источников, интересные по существу, не носят на себе печати точной хронологической датировки и в этом смысле, при некоторой неясности самих данных, вызывают разногласия в оценке и приурочении их к вполне определенному месту и времени³⁾. Византийские данные о походе Руси 860 года, хотя и вполне достоверны, в виду чужеземности авторов сообщений о Руси и краткости таковых—сами по себе в известной степени нуждаются в расшифровании их, а именно—что за Русь здесь имеется в виду, откуда она проникла в Византию и пр. Что же касается упоминания о Руси Бертинской летописи, то по самому характеру своему оно отнюдь не должно особенно увлекать ученых и давать им путеводную нить для широких выводов⁴⁾: оно слишком кратко, темно, брошено вскользь в отрывочной летописной записи отдаленного от Руси

¹⁾ См. в «Русско-византийских исследованиях» В. Г. Васильевского, С.-Петербург, 1893 г., также в ст. Ф. Вестберга в 14 т. «Византийского Временника» и др.

²⁾ Фотий, Синописис Хроники, продолжатель Феофана.

³⁾ Срвн. упомянутые работы Васильевского и Вестберга, а также—Шахматова «Корсунская легенда», Спб., 1906 г., Х. М. Лопарева—«Греческие жития святых VIII—IX в.в.», Пгр. 1913 г., в ст. П. В. Безобразова—«ЖМНПР» 1915 г., август.

⁴⁾ Срвн. таковые у Шахматова—«Начальный период древнейшей истории русского языка», 11—I вып. «Энциклопедии славянской филологии», Птгр. 1915, стр. XXVIII, «Введение в курс истории русского языка», Птгр., 1916 г., стр. 69, «Древнейшие судьбы русского племени», Птгр. 1919 г., стр. 57—58.

народа, стоит особняком от других известий, в настоящем своем виде вызывает недоумения¹⁾ и создает по своему адресу разнообразные до противоположности толкования и предположения²⁾.—Есть затем еще ряд свидетельств о Руси IX—X в. в. арабско-мусульманских писателей, очень важных и интересных, но неясных самих по себе, понятных лишь при внимательном сопоставлении друг с другом и, главным образом, при сближении с русскими летописными показаниями и дающих при том сведения слишком общего характера³⁾. Еще темнее их и менее прочны в смысле извлечения из них точных исторических данных легендарно-поэтические показания исландско-скандинавских саг, не могущих играть крупной роли самостоятельных источников для истории древнейшей Руси, хотя и не лишенных в этом смысле своего относительного значения⁴⁾.—Вообще все эти отмеченные иностранные свидетельства в большей или меньшей степени отличаются неясностью, недоговоренностью, весьма нередко лишь приблизительностью сообщаемых сведений, не лишены порою домыслов и догадок, ценность коих тем меньше, чем дальше от Руси жили авторы их. Так, например, в то время соседней Руси интересовал вопрос, что такое Русь, какой она народности, каково ее происхождение, но мы видим, что писатели того времени (IX—X в. в.) на этот вопрос давали самые разнообразные, друг другу противоречащие, порою неопределенные ответы: известный восточный путешественник и писатель Ибн-Хордадбег признал Русь племенем славянским⁵⁾, а византийцы прилагали к Руси неопределенные наименования—то варягов (как продолжатель Амартола), то—тавроскифов (как Лев Диакон), отдаленный же от Руси западный хронист, автор Бертинских анналов, причислил Русь прямо к свеонам-шведам⁶⁾.—При таком положении вещей свидетельства совре-

1) «Русь, соседняя с Византией, имеет во главе себя «хакана» и вместе причисляется к «Свеонам»,—кроме отдаленности тут очевидно имела значение и сбивчивость географических понятий того времени.

2) Срвн. например с соображениями Шахматова—обратные им у проф. Н. П. Загоскина в I-м т. его «Истории права русского народа», Казань, 1899 г. стр. 340—342, также у Геденова в его книге «Варяги и Русь», Спб. 1876 и др.

3) На русском языке их см. у А. Я. Гаркави «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», Спб., 1870 г., у Д. А. Хвольсона «Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста», Спб., 1869 г., также в работах Вестберга, Дорна, Григорьева, Куника, Розена, Туманского.

4) См. «Antiquités Russes», Копенгаген, 1850—1852 г.г., в перев. на русск. яз. — Сабинин «Русск. Истор. Сборник», т. 4, Спб., 1840 г., 25 вып. «Русск. класс. библиот.» Чудинова, Спб., 1875 г., О. И. Сенковский — «Библиотека для чтения» — 1834 г., в работе К. Ф. Тיאндера — «Северные поездки скандинавов в Белое море», Спб., 1906 г., в работах И. В. Шаровольского — «Унив. Изв.» и др.

5) В упом. кн. Гаркави, стр. 49.

6) Если только не испорчен в данном случае самый текст летописи, — срвн. уп. кн. проф. Загоскина.

дается то место на Лыбеди, то Изяславль, то Полоцк¹⁾), — помимо этого в данном случае заслуживает внимания и самая хронология жизни Изяслава: он умирает в 1001 году, — если бы он был сыном Владимира и Рогнеды, ему в этот момент было бы не больше 20 лет²⁾), а, между тем, после него остается два сына, по всей видимости, сразу же начинающих княжить в Полоцке, ибо летопись ничего не говорит о временном замещении в это время Полоцкого княжеского стола кем-либо из сыновей Владимира и Рогнеды³⁾). Далее нужно принять во внимание полную историческую разобщенность все время Полоцкой и Киевской династий, чему соответствует летописный текст 1128 года, противопоставляющий, как нечто друг другу искони чуждое и враждебное, — «Ярославлих внуков» Киевской династии и «Рогволожих внуков» династии Полоцкой⁴⁾). Все это говорит против возможности признания Изяслава Полоцкого сыном Владимира. Вызывает сомнение в принадлежности к семье Владимира и Святослав Деревский, ибо, погибнув в борьбе со Святополком, он почему-то был обойден тем вниманием потомства, какое было уделено Борису и Глебу: родные братья, пострадавшие при равных условиях, были бы одинаково предметом внимания со стороны брата Ярослава и почитания потомков и назидательных повествований; поэтому, скорее всего, это — член старой Древлянской династии. Возникают также сомнения и относительно других сыновей Владимира. Эта недостоверность известий о сыновьях Владимира, наличие данных о князьях других династий, современных Владимиру и Ярославу, напряженная борьба Ярослава за Новгород и Киев, утвердиться в котором ему удалось окончательно лишь около 1036 — 1037 г.г., после чего только он получил возможность «заложить град великий Киев», т.-е. приступить к обстройке и укреплению его⁵⁾), — все эти данные говорят против возможности принятия положения об объединении Владимиром и Ярославом восточнославянских племен в одну великую державу. В соответствии с этим и Ярослав, умирая, сажает своих сыновей далеко не у

1) Срвн. известия летописи лет 980, 988 и 1128.

2) Брак Владимира и Рогнеды летопись относит к 980 г.

3) По летописи сыновьями Владимира и Рогнеды были, кроме Изяслава, Ярослав, Мстислав и Всеволод; срвн. летописное известие о том, что по смерти Вышеслава в Новгороде был посажен брат Ярослав.

4) Тут характерно самое название членов Полоцкой династии «Рогволожими внуками», а не внуками Изяслава, якобы брата Ярослава.

5) Срвн. показания в византийской хронике Кедрина — *Συνοψις ιστοριων*, Венеция, 1729 г., ч. 2, стр. 578, — под 1036 г. сообщаящей о смене в Киевской Руси власти двух князей новым — третьим, что соответствует летописному сообщению под тем же годом о смерти Мстислава и посажении Ярославом Судислава «в поруб», — что явилось результатом, вероятно, его борьбы вместе с Печенегами против Ярослава.

всех восточно-славянских племен, а в городах ближайших к Киеву: Изяслава — в Киеве, Святослава — в Чернигове, Всеволода — в Переяславе, Игоря — во Владимире-Волынском и Вячеслава — в Смоленске. Названные города — это район бассейна среднего и верхнего Днепра, к которому можно еще присоединить Новгород, где до смерти своей в 1052 году сидел старший сын Ярослава Владимир. Таким образом, видим, что связанный с Норманами узами родства (по жене и дочери) и братством по оружию и прошедший всю жизнь в борьбе за путь «из Варяг в Греки» Ярослав и сыновьям своим завещал охрану этого пути и наблюдение за ним — и только.

XLII.

Дальнейшее расширение сферы влияния Ярославовой династии относится к следующей эпохе — к концу XI в., когда самое размножение ее позволило ей фактически осуществлять прерогативы княжеской власти на более обширной территории. Только около рубежа XI — XII в.в. среди восточно-славянских племен, — да и то кроме двинских Кривичей и Болоховской земли, — осуществилось коллективное единоедержавие Киевской династии, которое, в связи с занесенными из Византии идеями, тогда же создало идею единства русской земли, отразившуюся прежде всего в Начальной летописи¹⁾. Однако, это коллективное единоедержавие династии не дало реальных результатов в смысле создания единого государства: «внуки Ярослави» не создали из себя единой дружной семьи, не объединились единой родовой системой²⁾ и не усвоили однообразных принципов государственности. Характерными представителями своей эпохи и вместе выразителями тех разных начал государственности, какие входили, как составные элементы, в жизнь Киевского государства в широком смысле этого слова, являются четыре более видных внука Ярослава: Ярополк Изяславич (ум. 1086 г.), Святополк Изяславич (ум. 1113 г.), Владимир Всеволодович Мономах (ум. 1125 г.) и Олег Святославич (ум. 1115 г.). Ярополк — сын польской принцессы, не раз ездивший на Запад, побывавший в Риме и оставивший на Западе письменный памятник своих отношений и связей³⁾, был западником в том смысле этого слова, какое приложимо к данной эпохе — расцвета папства и борьбы его с Империей и развития феодализма. Он рано выбыл из строя своих

¹⁾ См. в «Разысканиях» Шахматова, стр. 134, 276, 293, 316 и др., также у Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Руси», стр. 265 — 266, 278 и др.

²⁾ Срвн. данные, например, у А. Е. Преснякова — «Княжое право в древней Руси», Спб., 1909 г., у Я. А. Голяшкина — «Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в.», Москва, 1898 г. и др.

³⁾ См. у Н. П. Кондакова «Изображение русской княжеской семьи на миниатюрах XI в.», Спб. 1906 г.

братьев, и насильственная смерть его в некотором роде была символическа: с этого момента влияние Запада на Русь, не задолго перед тем развившееся, ослабевает. Его брат Святополк — плохой воин, умело приспособляющийся к обстоятельствам человек, совершенно незаслуженно возведенный М. Д. Приселковым в ранг «гениальных»¹⁾, был типичным князем верхних, торгово-инородческих кругов Киева, сумевшим стяжать в союзе с ними крупнейшие богатства, — едва ли это был не последний «каган» в Киеве. Олег, побывавший и в Царьграде, и в Тмутаракани, и на Волге, был одним из наиболее ярких образов князя-степняка, удальца-авантюриста, приятеля и союзника Половцев, всю жизнь сновавшего со своими дружинами по лицу восточной Европы. Наконец, Владимир Мономах — коварный византиец, искусный дипломат, умевший, когда было нужно, прикинуться другом и покровителем туземных, поднепровских «смердов», очень ладивший с духовенством, наиболее яркий из князей носитель и отчасти вдохновитель тех идей, какие рассыпаны в «Повести временных лет», состоявший в некоторой связи с редакторской работой этого произведения²⁾, скорее всех князей — представитель «единой Руси», понимавший ее сообразно с велениями момента в смысле объединения возможно большего количества земли в своем личном потомстве. В 1113 г. он спас киевские верхи от революционного движения низов, не потому, конечно, что был особенно популярен или был народным избранником³⁾, но, главным образом, вследствие репутации хорошего воина, доброго христианина, искусного дипломата и особенно как синьор, в руках коего был ряд васалов — сыновей, сидевших с дружинами в разных городах, в том числе и в важном для торгового Киева Новгороде. Мономах в момент своего киевского княжения доставил Киеву наибольшее за всю его историю значение в смысле государственного влияния на значительную территорию восточной Европы, но этот апогей государственного значения Киева продолжался всего около 20 лет (1113—1132 г.г.). По смерти старшего сына Мономаха — Мстислава, Мономахово здание рухнуло и по отсутствию прочной связи Киева с населением прилегающей территории, и по непрочности торгового значения варяго-гре-

1) См. его «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси», стр. 286 и след.; результаты политики Святополка противоречат восхвалению его автором.

2) См. у Шахматова «Повесть временных лет», Спб., 1916 г., стр. XVII, срвн. в упом. кн. Приселкова.

3) См. у М. Н. Покровского «Очерк истории русской культуры», ч. I, стр. 250 и др.; мнение Покровского о том, что результатом движения 1113 г. было «свержение варяжского абсолютизма» и народное избрание Владимира, не обосновано на источниках и несогласовано как с характером этого движения, так и с дальнейшими фактами киевской истории.

ческого пути, и по неимению семейной спайки и единства принципов в деятельности семьи Мономашичей, как это раньше было и у Ярославлих сыновей и внуков. Уже через 20 лет после Мономаха начинается упорнейшая борьба между младшим его сыном и старшим внуком, и, между прочим, в среде старшей линии Мономашичей все больше развиваются черты и стремления, характерным представителем коих выше отмечен Олег Святославович, — связи со степью и степняками. В течение XII и частью XIII столетия мы попрежнему встречаем черты отмеченных выше 4-х княжеских типов — с преобладанием, однако, степно-кочевого, пока, наконец, не упрочивается, в связи с развивающимся процессом феодализации, новый тип князя — земельного вотчинника, первый пример коего можно усматривать уже в сыне Мономаха — Андрее Переяславском (ум. 1141 г.), упорно не хотевшем переходить со своей «отчины и дедины». Слабость на Руси государственной организации, не сумевшей объединить разные элементы населения и создать тип князя-государственника, на почве ослабления торговых интересов и падения значения торговых путей, привела страну к феодализации.

XLIII.

Как отмечалось, вновь пришедшая на Днепр юго-восточная Русь первоначально значительно разнилась от местных славянских племен как в языке, так и в быте, и укладе своей жизни. Виной тому были те инородческие восточные примеси, каких в Приазовьи и в Подоньи Русь воспринимала в себя в достаточной степени, живя на местах и постоянного обитания, и частых передвижений кочевых племен с востока на запад, и постоянно вступая с ними в соседские связи. На смену тому родоплеменному земледельческому укладу жизни, с местными племенными князьями, «лучшими» или «нарочитыми» людьми (повидимому, «огнищанами» древних источников), вечем, — какой характеризуется, например, летописью у древлян в повествовании о сношениях и столкновениях их с Игорем и Ольгой, — на смену ему юго-восточная Русь принесла с собой иной уклад жизни, ибо состояла из разноплеменной военно-торговой организации («дружина» и «гости» источников — прежде всего), подобной Мстиславовой рати, пришедшей к Днепру в 20-х годах XI века с Касогами и Хозарами. Поэтому новое Киевское государство Игоревичей стало складываться на Днепре не по типу старых здешних племенных княжений, — это государство было разноплеменным, спаянным общностью интересов — торгово-экономических, военных и других, и поэтому Киевское государство принесло с собой нечто новое в смысле государственности на Днепре. Это новое государство не уничтожило вовсе старых племенных организаций — княжений, — но внесло в них новую струю и во взаимодействии с ними произвело новое образование: старые большие союзы племен разбиваются на более мелкие княжения, а те, в свою очередь, постепенно обнаруживают склонность к новым междуплеменным образованиям. Так первоначальные племенные группы, числом три, разбились на ряд более мелких летописных племен, а те затем стали превращаться в летописные же, несколько более поздние «земли». Киево-Полянская Русь своим появлением на Днепре и походами сделала новый этап в истории государственности на Руси, произведший в XI — начале XII века попытку создать большой государственный союз, объединенный общностью

военной организации и торгово-экономических интересов, связанных с Балтийско-Днепровским путем. Но этот новый тип государства на Руси не был всецело вынесен с юго-востока, — юго-восточное влияние было лишь одним из факторов нового государственного порядка, объединившегося с местными факторами. В числе последних были: влияние Дунайской Болгарии и вообще славянских земель и Византии; открытый и использованный, не без связи с военными операциями в юго-восточной Руси, путь «из Варяг в Греки», все значение коего, однако, было подсказано пришельцам на месте, и другие. Однако, не следует преувеличивать ни значения варяго-греческого пути, ни силы и могущества Киевской «державы» X—XII веков. Кроме данного пути, далеко не привлекавшего к себе всего Восточного Славянства, параллельно существовали и имели тогда же свое значение на той же территории пути и западно-двинский, и волжский, и донской, и ведущий на запад припятско-бужский. Точно так же в XI—начале XII века, в момент силы и значения Киевского княжества, ряд восточно-славянских племен стоит в большой изолированности от Киева, живет своей жизнью. По существу, в связи с генезисом нового государства, в нем играют роль три силы: торгующие инородцы — «гости» — греки, евреи, арабы и т. п.; пропитанная духом и склонностями степных кочевников княжеская дружина и старая земледельческая деревня. Две первых новых силы, в общем пришлых, по существу действовали более или менее солидарно ¹⁾ и создали большой торговый город — Киев — и еще несколько городов, к нему приближающихся, приспособили к своим понятиям и интересам местное обычное право — «Русскую Правду» ²⁾, — создали довольно богатую городскую культуру, но они не смогли устроить «примитивно-торгового государства» в целом: старая племенно-земледельческая деревня («смерды») жила своею обособленной жизнью, не понимая чуждого ей города, не переплетая своих интересов с городскими и порою враждебно против него выступая, — в этом смысл киевских движений 1068, 1113 г.г. ³⁾ и др. В этом прежде всего лежала и причина неудачи взятой на себя Киевским государством задачи, и причина того, что восточно-славянские

¹⁾ Эта солидарность была относительной, так как духовенство и более уравновешенные торговые элементы не могли особенно сочувствовать той роли, какую играли в княжеских делах степняки, — срвн. у П. В. Голубовского — «Печенеги, Торки и Половцы», стр. 170—171; однако, более или менее местные элементы в моменты, подобные 1113 г., объединяли в одно целое и торгующих инородцев, и княжых мужей, и богатое духовенство.

²⁾ «Русская Правда» в основе своей имела очень древнее местное обычное право — может быть VIII—IX веков, — срвн. у Гетца «Das russische Recht», ч. I, Штуттгарт, 1910 г.

³⁾ См. данные в упом. работах Покровского, Святловского, Довнар-Запольского, также у Рожкова и др.

племена не спаялись воедино новой государственностью. Идеология большого торгового города, жившего за счет пути «из варяг в греки», благодаря ему попавшего под разные влияния— и прежде всего византийско-церковное— и мечтавшего при помощи этого же пути господствовать в Восточной Европе, — эта идеология сказалась в тогдашней киевской письменности вообще и в «Повести временных лет» в частности, красками этой идеологии расцветившей свои рассказы о местной старине — по преданиям и припоминаниям. Но мечта не стала действительностью: влияние Киева не пошло дальше и глубже торговых путей, не задело глубины народной жизни, и интернациональный город, не создав большого государства, пал, как только общая ситуация подорвала значение вскормившего его пути, а династия этого города до самого татарского нашествия так и не вышла в общем из роли конкурентов Печенежских и потом Половецких ханов. Что же касается пришлых элементов, то они постепенно ассимилировались с давним поднепровским славянским населением юго-западной группы: различие «русина» и «славянина», еще очень заметное в XI веке, в XII—XIII веках утратилось совершенно, в связи с чем и имя «Русь» распространилось по всей восточно-славянской территории.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Главы.	Стран.
I. Призвание Варягов 862 г.	5
II. Иностранные известия о Руси IX — X в.в.	8
III. Летописное известие 859 г. о двух группах восточно-славянских племен.	11
IV. Летописные данные о третьей группе Восточных Славян.	14
V. Распределение летописных племен по трем группам; вопрос о возможности четвертой группы	17
VI. Восточное свидетельство о трех племенах Руси	20
VII. Археологические данные о племенных группах у Восточных Славян	23
VIII. Данные языка о делении Восточного Славянства на три части	25
IX. Вопрос о моменте такого расслоения Восточного Славянства	28
X. Образование трех групп Восточного Славянства	30
XI. Передвижения северной племенной группы	33
XII. Юго-западная группа в эпоху VIII — IX в.в.	36
XIII. Юго-восточный хозарский союз.	39
XIV. Передвижения кочевников в IX в.	42
XV. Значение борьбы Полян с Древлянами	44
XVI. Археологические данные о борьбе на Днепре в эпоху около IX — X в.в.	47
XVII. Связь левобережного населения Поднепровья с Полянами.	49
XVIII. Данные о юго-восточной ветви Восточных Славян	51
XIX. Имя «Русь»	54
XX. Следы юго-восточного происхождения Полян	57
XXI. Юго-восточные влияния на тип населения, язык*и т. п.	60
XXII. Экономические влияния и антропологический тип племенных групп	63
XXIII. Общая картина расселения Восточных Славян	65
XXIV. Значение летописного рассказа о Мстиславе Тмутараканском	68

Главы.	Стран.
XXV. Поход Игоря и борьба его на Днепре	70
XXVI. Олег по данным «Повести временных лет» и «Начального свода»	73
XXVII. Древне-еврейский документ об Олеге	75
XXVIII. Договор Олега с Византией	77
XXIX. Северные черты в Олеге	79
XXX. Поход Олега и Игоря против Аскольда и Дира	81
XXXI. Рюрик и другие местные князья	83
XXXII. Начало развития пути «из Варяг в Греки»	85
XXXIII. Ольга	88
XXXIV. Походы Святослава	90
XXXV. Сыновья Святослава	93
XXXVI. Движение Владимира с Норманами из Новгорода в Киев	95
XXXVII. Главные черты деятельности Владимира в Киеве	97
XXXVIII. Значение княжения Владимира	99
XXXIX. Киево-Новгородские отношения эпохи Владимира и Ярослава	101
XL. Ростово-Муромо-Суздальская земля той поры; Добрыня	103
XLI. Вопрос о князьях — сыновьях Владимира	105
XLII. Ярославли внуки	108
XLIII. Характер Киевской государственности X — XII в.в.	111

Цена 90 коп.

2#

